

различным видам двигательной активности в общеобразовательных и спортивных школах, детских дошкольных учреждениях. Использование межпредметных связей и интеграции в учебный процесс нетрадиционных средств гимнастики (аэробики, аквааэробики) позволит более эффективно решать вопросы выполнения государственных программ физического развития, физической подготовленности, оздоровления, профилактики у учащихся простудных заболеваний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Булгакова Н.Ж.* Оздоровительное, лечебное и адаптивное плавание. М.: Академия, 2015.
2. *Ланутин А.Н.* Обучение спортивным движениям на воде. Киев: Здоров'є, 2016.
3. *Верхошанский Ю.В.* Основы специальной физической подготовки спортсменов. М.: Физкультура и спорт, 2018.
4. *Абзалов Р.А., Абзалов Н.И.* Теория и методика физической культуры и спорта. Казань: Вестфалика, 2013.
5. *Холодов Ж.К., Кузнецов В.С.* Теория и методика физического воспитания и спорта. М.: Академия, 2010.

О НАУЧНОМ СТАТУСЕ ПСИХОАНАЛИЗА: КРИТИКА Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

ON THE SCIENTIFIC STATUS OF PSYCHOANALYSIS: WITTGENSHTEIN'S CRITIQUE

H.B. Medvedev

N.V. Medvedev

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
Тамбов, Россия, *mnv88@mail.ru*
G.R. Derzhavin Tambov State University,
Tambov, Russia, *mnv88@mail.ru*

Статья посвящена обсуждению причин отказа Витгенштейна наделять психоаналитическую концепцию Фрейда научным статусом. Показано, что истоки критической оценки психоанализа Витгенштейном кроются в его понимании феномена науки как поисковой деятельности, основанной на верифицируемых наблюдениях. Некритичное применение языка психоанализа склоняет нас к мысли о существовании скрытых психических процессов, побуждающих действовать тем или иным образом. Делается вывод о том, что аргументы Витгенштейна вскрывают «мифотворческий» характер объяснительных процедур психоанализа. Подчеркивается, что взгляд этого мыслителя на науку может быть использован в образовательной практике для демонстрации специфики отдельных научных теорий.

Ключевые слова: психоанализ; наука; бессознательное; наблюдение; научная вера; верификация.

The article is devoted to a discussion of the reasons for Wittgenstein's refusal to endow Freud's psychoanalytic concept with a scientific status. It is shown that the origins of

Wittgenstein's critical assessment of psychoanalysis lie in his understanding of the phenomenon of science as a search activity based on verifiable observations. The uncritical use of the language of psychoanalysis leads us to think that there are hidden mental processes that impel us to act in one way or another. It is concluded that Wittgenstein's arguments reveal the "myth-creating" nature of the explanatory procedures of psychoanalysis. It is emphasized that this thinker's view of science can be used in educational practice to demonstrate the specifics of individual scientific theories.

Keywords: psychoanalysis; science; unconscious; observation; scientific belief; verification.

Яркий, самобытный философ XX в. Л. Витгенштейн, по свидетельству его ученика и друга Раша Риса, в своих дискуссиях о психоанализе обычно критиковал рассуждения З. Фрейда, решительно отклоняя его «способ мышления» [1, с. 79]. Однако, когда мы пытаемся понять, почему Витгенштейн считал, что психоаналитическое объяснение Фрейда несовместимо с естественнонаучным объяснением, то наталкиваемся на затруднение, связанное с общим воззрением австро-английского мыслителя о науке, которое выглядит как находящееся в некотором противоречии с устанавливаемым им самим различием между психоанализом и наукой. С одной стороны, Витгенштейн заявляет, что высказывания Фрейда являются «спекуляциями» о таких психических феноменах, как верования и желания, что они не относятся к вещам, которые можно познать научным способом, прибегая, например, к использованию понятия объективной достоверности: «Фрейд постоянно заявляет о своей научности. Но то, что он делает, – это спекуляция, – нечто, предшествующее даже формированию гипотезы [1, с. 80].

С другой стороны, Витгенштейн, видимо, стремится подчеркнуть, что научные объяснения не имеют статуса окончательной, безусловной истины и не обладают очевидной предсказательной функцией, на которую претендуют. Он прямо заявляет, что подобные объяснения сами по себе являются скорее убеждениями или точками зрения: «Действительной заслугой Коперника или Дарвина было не открытие истинных теорий, а выявление нового аспекта, плодотворной новой точки зрения» [2, с. 428]. Учитывая убежденность Витгенштейна в том, что бытие науки неразрывно связано с плодотворными точками зрения и «спекуляциями», мы вправе заметить, что в таком случае нельзя настаивать на утверждении, что психоанализ – это не наука. Если наука есть выражение различных точек зрения, как утверждает Витгенштейн, тогда чем психоанализ отличается от науки?

Французский философ Жак Бувресс вполне справедливо выражает свое сомнение относительно конструктивного значения попытки Витгенштейна отделить психоанализ от науки, принимая во внимание

общее воззрение этого мыслителя о науке [3, с. 54]. И хотя Бувресс прав, заявляя о наличии неясности основания для проведения Витгенштейном разграничительной линии между наукой и психоанализом, все же устранение этой неясности может быть достигнуто нами только через целостное освещение взгляда австрийского мыслителя на науку.

Представленная статья посвящена объяснению причины отказа Витгенштейна наделять психоаналитическую концепцию Фрейда научным статусом. В работе показано, что истоки витгенштейновского определения психоанализа как «не-науки» кроются в особом понимании феномена науки. В рассуждениях Витгенштейна присутствуют две интерпретации понятия науки: 1) науки как поисковой деятельности, основанной на верифицируемых наблюдениях; 2) науки как рационально-теоретического, спекулятивного способа постижения мира, результатом которого является выявление новой плодотворной точки зрения.

Для того чтобы Витгенштейн мог заявить, что психоанализ не наука, ему следовало опираться на иное понимание термина «наука», которое отличается от интерпретации науки как выражения «плодотворных точек зрения». В противном случае научное объяснение мало чем будет отличаться от психоаналитического объяснения. По сути, Витгенштейн в своих рассуждениях оперирует двумя разными образами науки, что подтверждается следующими аргументами. Во-первых, он рассматривал физику в качестве «идеальной науки», поскольку в отличие от других наук, таких как коперниковская астрономия и дарвиновская биология, физика опирается на эмпирические данные, а именно, на поддающиеся языковому описанию и количественному измерению чувственные наблюдения. Поэтому выводы физики оказываются доказуемыми и верифицируемыми. Во-вторых, другие «науки», такие как дарвиновская биология и астрономия Коперника, рассматриваются Витгенштейном скорее как новые точки зрения. В определенном смысле подобные установки вполне сопоставимы с психоаналитическими объяснениями Фрейда.

Витгенштейн говорит о Н. Копернике и Ч. Дарвине как об ученых, которые предложили новые способы мышления, выявили новый аспект или плодотворную новую точку зрения относительно природных явлений и процессов. Но прав ли Витгенштейн, отказывая психоанализу в статусе науки? Или все же фрейдизм, как и дарвиновская биология, действительно есть наука, открывающая нам новый плодотворный способ мышления?

Думаю, нам не следует спешить с ответом на поставленный вопрос, так как не вполне ясно, почему Витгенштейн полагает, что физика отличается от таких наук, как биология и астрономия.

Прежде всего здесь следует отметить, что Витгенштейн считает неразумным выражать сомнение с нашей стороны относительно правдивости физических теорий, опирающихся на данные чувственных наблюдений. Однако те ученые, чьи теории выражают плодотворные точки зрения, не в состоянии представить достоверные экспериментальные данные для своих теорий, основанных на наблюдении, даже если они убеждены в истинности своих научных построений. В беседах о Фрейте Витгенштейн замечает: «Ср. Дарвинов переворот... Разве кто-нибудь видел, как происходил процесс? Нет. Видел ли кто-нибудь, как он происходит сейчас? Нет. Доказательство эволюции животного мира – это капля в корзине. ... Люди удостоверились в основаниях, которые были в высшей степени слабыми. ... Все это показывает, как легко быть убежденным в некоторых вещах. В конце концов, вы забываете даже сам вопрос о верификации, вы просто уверены, что это должно быть так» [1, с. 37].

Витгенштейн понимал, что существуют такие физические теории, которые оперируют гипотетическими сущностями и для которых не могут быть представлены прямые доказательства на основе наблюдаемых фактов. Однако поразительно и то, что в соответствии с вышеизложенной аргументацией он характеризует такие теории как ненаучные объяснения. Почему так? Полагаю, если бы Витгенштейн этого не сделал, то ему пришлось бы считать концепцию Фрейда научной, так как научные гипотетические сущности, по его мнению, не отличаются по своему характеру от невидимых процессов, постулируемых Фрейдом в качестве причины определенных форм поведения людей. В своих лекциях 1930–1933 гг. Витгенштейн иллюстрирует это воззрение путем проведения аналогии между «скрытыми массами» в механике Г. Герца и бессознательными ментальными событиями Фрейда. Ни то, ни другое нельзя наблюдать, но оба эти явления постулируются как существующие в действительности [4, с. 16].

Таким образом, психоанализ описывается Витгенштейном как новый способ выражения, мышления, а не как научная теория. По его словам, «идея Фрейда: безумие – это не поломанный, а только переделанный замок; старым ключом его уже не отпирешь, ключом же иной формы это можно сделать» [2, с. 443]. Подлинные науки, в отличие от психоанализа, прежде всего физика, базируются на убедительных, наблюдаемых эмпирических данных, а не на гипотетических сущностях.

В поддержку предложенного Витгенштейном разграничения между физической наукой и объяснительной деятельностью психоанализа следует признать правильность мнения, что аргументы физика для нас, например, утверждение о том, что «предметы падают, если их отпустить», выглядят более убедительными, поскольку мы обнаруживаем,

что предметы, обладающие весом, всегда падают, тогда как утверждение психоаналитика, что травматические ситуации в детстве являются причиной возникновения невротических расстройств, невозможно обосновать посредством чувственного наблюдения. Признание несомненности физических законов, основанных на данных наблюдения, не исключает возможности их опровержения в свете получения новых данных. В таком случае наша вера в повсеместное действие силы гравитации есть вера в то, во что мы твердо верим. В определенном смысле наша убежденность мало чем отличается от веры в плодотворную точку зрения дарвиновской биологии или психологии Фрейда. И все же вера в закон физики отличается от веры в определенную точку зрения, потому что у нас имеются убедительные, основанные на наблюдении, данные. Другими словами, точка зрения требует от нас принять ее на веру, а не с помощью доказательства, вытекающего из достоверного эмпирического опыта.

На это можно возразить: «Но ведь могут быть веские основания для признания такой точки зрения». Кто-то попытается доказать, что психологические законы можно обнаружить и сформулировать на основе наблюдения за поведением людей. Скажем, можно показать, что тот или иной индивид в условиях большого скопления людей становится агрессивным. Однако такое доказательство не будет в той же мере убедительным, как демонстрация закона гравитации. Закон гравитации, в отличие от психологического закона, обладает убедительной универсальностью его применения. Ведь мы можем допустить случай, когда отдельный индивид в условиях плотного скопления людей не становится агрессивным. И в то же время невозможно представить себе, чтобы высвобожденный объект при нормальных условиях не подвергся гравитационному притяжению. В случае закона всемирного тяготения ученый хочет показать наблюдателю, что при определенных условиях всегда возникает неизбежный эффект. Однако психолог этого утверждать не может. Скажем, большое скопление людей не обязательно предполагает действие какого-то определенного эффекта для всех вовлеченных в эту ситуацию лиц. В результате мы в меньшей степени склонны верить в существование закона, сформулированного по типу: «Во всех обстоятельствах x происходит y » [5, с. 547].

Видимо, Витгенштейн считал, что некоторые природные процессы могут происходить в соответствии с положениями определенных теорий и тем самым подкреплять их истинностное значение. И в то время он осознавал, что психологические явления могут не расходиться с действиями сформулированных постулатов конкретных психологических теорий. Часто психологические объяснения говорят о вещах, которые

нельзя обнаружить. Следовательно, несмотря на то, что можно кого-то убедить поверить в них, не существует никаких основанных на наблюдении доказательств, чтобы в это поверить. В результате невозможно обеспечить подтверждение с опорой на данные наблюдения тем законам, которые соответствуют общим принципам учения Фрейда, например, закону, что образ поведения человека обусловлен действием бессознательных процессов. Именно это, по мнению Витгенштейна, отличает законы фрейдизма от законов физики. Вера в существование бессознательного может быть столь же непоколебимой, как и вера в наличие силы притяжения, однако с научной точки зрения, на которую ориентируется Фрейд, неразумно сомневаться в первом, учитывая отсутствие верифицируемых эмпирических данных, и, наоборот, неразумно сомневаться в законе гравитации с учетом его подтверждения эмпирическими данными. Но здесь мы должны проявлять некоторую осторожность, чтобы не подумать, что обсуждаемый Витгенштейном психоанализ следует понимать как недостаточно обоснованное с научной точки зрения научное эмпирическое свидетельство, и что когда-нибудь в будущем могут быть обнаружены эмпирические данные для демонстрации его научной продуктивности. Аргументация Витгенштейна направлена на более значимую цель. Он хотел опровергнуть заявление Фрейда о том, что психоанализ является научным объяснением. Согласно его мнению, психоанализ не опирается на эмпирические данные, необходимые для обретения им статуса науки. Дело в том, что психоанализ неуместно прибегает к использованию научных приемов для изучения феноменов, которые невозможно понять с научной точки зрения. Пытаясь осмыслить их таким путем, фрейдизм, по сути, игнорирует то, что оказывается действительно важным в исследуемых психологических явлениях. Для Витгенштейна важным является исследование того, как используется язык психологии, каким образом неправильное понимание этого языка ошибочно приводит нас к мысли о так называемых «процессах сознания» по отношению к таким явлениям, как убеждения и желания.

Но это вовсе не отменяет того факта, что Витгенштейн при этом считал психоаналитические объяснения (интерпретации) полезными. Скорее на их основе нельзя получить эмпирически достоверные выводы, аналогичные тем, которые мы получаем в виде законов физики. Именно некритичное применение языка психоанализа склоняет нас к мысли о существовании скрытых психических процессов, которые заставляют нас действовать тем или иным образом. Фрейд считал, что проявление бессознательного в поведении человека обнаруживается в снах, под влиянием гипноза или методом свободных ассоциаций.

Однако для Витгенштейна бессознательное есть не эмпирически обнаруживаемая сущность, как полагал Фрейд, а скорее способ рассуждения о феноменах, которые ускользают от нас в разнообразных формах человеческого поведения. Витгенштейн говорит, что существительное «бессознательное» заставляет нас думать, будто есть местоположение бессознательного, которое может быть обнаружено нами каким-то «научным» путем, что с помощью научного метода можно выявить операции и принципы действия человеческого сознания. Но законы бессознательного, которые, согласно Фрейду, управляют поведением, не являются, считает Витгенштейн, научными каузальными законами, скорее они представляют собой рациональные обоснования. Например, можно предположить, что ненависть сына к своему отцу вызвана Эдиповым комплексом. Однако у нас нет способа показать, что это есть именно то, что является причиной ненависти сына к отцу. Просто потому, что пациент принимает указанный мотив как предполагаемую причину, не означает, что это является истинной причиной. Мы могли бы, как утверждает Витгенштейн, установить основание, объясняющее, почему человек смеется, и затем склонить пациента к тому, чтобы согласился с нашим объяснением. Но у нас нет способа показать, что то, с чем соглашается пациент, является объективной причиной смеха. Все, что у нас имеется, – это признание самого пациента, что это так.

Объективная причина возникает независимо от того, согласны мы с ней или нет. Наше согласие с объясняющим доводом, согласно Витгенштейну, не является тем, что составляет особенность физики. Другими словами, никто не думает, что действие гравитации верно, потому что это рассматривается как веское основание. Просто вещи падают, когда их роляют, независимо от того, соглашаемся ли мы с этим фактом или нет.

Таким образом, витгенштейновское разграничение науки и психоанализа связано прежде всего с пониманием науки как основанной на наблюдении поисковой деятельности. Критика Витгенштейном психоанализа Фрейда, отрицание его научного статуса вскрывает «мифотворческий» характер объяснительных процедур психоанализа. Вместе с тем данная критика, несмотря на некоторую неясность витгенштейновской демаркации науки и не-науки, применима не только к психоанализу, но и к самой науке, оперирующей сущностями, которые невозможно обнаружить. Кроме того, витгенштейновское видение науки может быть использовано нами в образовательной практике для демонстрации специфики отдельных научных теорий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Витгенштейн Л.* Лекции и беседы об эстетике, психологии и религии / Перев. с англ. Руднева В.П. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999.

2. *Витгенштейн Л.* Культура и ценность // *Философские работы.* В 2-х частях. Часть I. Пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.С. Асеева. М.: Гнозис, 1994. С. 407–492.
3. *Bouveresse J.* Wittgenstein reads Freud: The myth of the unconscious. Translated by C. Cosman. Princeton: Princeton University Press, 1995.
4. *Wittgenstein L.* Wittgenstein's lectures. Cambridge, 1932–1935. Edited by Alice Ambrose. Oxford: Basil Blackwell, 1979.
5. *Leslie H.* Wittgenstein, science and psychoanalysis // *The role of Pragmatics in contemporary philosophy.* Papers of the 20th International Wittgenstein Symposium. August 10–16, 1997. Kirchberg am Wechsel, 1997. P. 544–549

ОРГАНИЗАЦИЯ СТУДЕНТОЦЕНТРИРОВАННОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ОБНОВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ

ORGANIZATION OF STUDENT-CENTERED TRAINING IN CONDITIONS OF UPDATING SOCIAL AND HUMANITIES TRAINING OF SPECIALISTS

Н.И. Морозова¹⁾, О.Г. Прохоренко²⁾

N.I. Morozova¹⁾, A.G. Prakharenka²⁾

Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, ¹⁾*marozava@bsu.by*, ²⁾*prakharenko@bsu.by*
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, ¹⁾*marozava@bsu.by*, ²⁾*prakharenko@bsu.by*

В статье рассматривается Концепция оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин, студентоцентрированный подход, эвристический подход при реализации Концепции.

Ключевые слова: Концепция; студентоцентрированное обучение; эвристический подход.

The article discusses the Concept of optimizing the content, structure and volume of a cycle (module) of social and humanitarian disciplines, a student-centered approach, a heuristic approach to the implementation of the Concept.

Keywords: Concept; student-centered training; heuristic approach.

Новая модель цикла социально-гуманитарных дисциплин закреплена в Концепции оптимизации содержания, структуры и объема цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования (далее – Концепция), утвержденной Министерством образования Республики Беларусь 29.04.2022, определяет основные направления совершенствования социально-гуманитарной подготовки специалистов высшего образования и устанавливает порядок организации изучения цикла (модуля) социально-гуманитарных дисциплин. Новая модель включает в себя три обязательные учебные дисциплины – «История белорусской государственности», «Философия» и «Современная